

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

УДК 342.9

ПРИНЦИП РАВЕНСТВА ПЕРЕД ЗАКОНОМ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

А. В. Новиков

Конституционный Суд Российской Федерации

Поступила в редакцию 28 декабря 2017 г.

Аннотация: анализируется претворение принципа равенства в производстве по делам об административных правонарушениях. Указывается на необходимость определения критерия, позволяющего устанавливать особые условия применения обеспечительных мер и привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции.

Ключевые слова: принципы производства по делам об административных правонарушениях, равенство, административная ответственность, неприкосновенность.

Abstract: *the article is devoted to the analysis of the implementation of the principle of equality in the proceedings on cases of administrative offenses. The author points to the need of determination of the criterion allowing to establish special conditions of application of interim measures and administrative prosecution of the public officials performing certain state functions.*

Key words: *principles of the proceedings on cases of administrative offenses, equality, administrative responsibility, inviolability.*

Принцип равенства представляет собой самостоятельную конституционно охраняемую правовую ценность. Имея общеправовое значение, принцип равенства в полной мере распространяется на отношения, связанные с разрешением правовых споров, в том числе посредством отправления правосудия. Данное правовое начало многогранно, поэтому рассматривая его в рамках административно-деликтного законодательства, заранее оговоримся, что предметом исследования выступает только один его аспект, а именно процедура разбирательства дел об административных правонарушениях¹.

125

---

¹ В рамках данного исследования не анализируются правовые положения законодательства об административных правонарушениях, регулирующие материальные отношения в административно-деликтной сфере и образующие изъятия из принципа равенства. В частности, к их числу относятся нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: 1) исключаящие возможность назначения конкретных видов административных наказаний отдельным категориям лиц (ч. 3 ст. 1.4, ч. 3 ст. 3.4, ч. 6 ст. 3.5, ч. 2 и 4 ст. 3.7, ч. 3 ст. 3.8, ч. 2 ст. 3.9, ч. 3 ст. 3.10, ч. 3 ст. 3.13); 2) допускающие возможность замены одного вида административного наказания на другой также для отдельной

Равенство всех перед законом и судом, являясь основой функционирования судебной системы, декларируется как принцип деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов и устанавливается в качестве основного судопроизводственного начала отраслевым процессуальным законодательством (ст. 7 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ст. 6 Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. №1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», ст. 5 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», ст. 6 ГПК РФ, ст. 7 АПК РФ, п. 2 ст. 6 и ст. 8 КАС РФ).

Примечательно, что федеральный законодатель не позволяет четко уяснить, в чем именно состоит равенство перед законом, а в чем – равенство перед судом. Независимо от того, как законодатель именуется данный принцип в каждом конкретном случае (как равенство перед законом и судом, равенство перед судом² или равенство перед законом³) нормативно его содержание выражает одну идею. Она заключается в одинаковом применении правовой нормы к различным лицам; разрешение правового спора исходя из установленных фактических обстоятельств дела, имеющих исключительно правовое значение, т. е. непосредственно в силу закона, влияющих на определение прав и обязанностей лиц, определение меры их должного, возможного и (или) допустимого поведения; обеспечение наступления идентичных правовых последствий для лиц, находящихся в схожих правовых условиях, невзирая на какие бы то ни было иные обстоятельства, непосредственно не имеющие в силу закона правового значения. По сути, приведенная идея раскрывает лишь равенство перед судом (правоприменителем в широком смысле слова). Равенство же перед законом могло бы разъясняться как недопустимость дис-

---

категории субъектов административной ответственности (ст. 4.1.1). Не подвергается также анализу применение дисциплинарной ответственности за совершение административных правонарушений в отношении отдельной категории граждан (ст. 2.5). За рамками предмета исследования оставляем ряд исключений из общего порядка привлечения к административной ответственности, установленных для: иностранных граждан, пользующихся иммунитетом от административной юрисдикции Российской Федерации (ч. 3 ст. 2.6), собственников (владельцев) транспортных средств (ст. 2.6.1) и земельных участков либо других объектов недвижимости (ст. 2.6.2). Самостоятельным предметом научных изысканий с точки зрения претворения принципа равенства может выступать административно-делiktное регулирование отношений, связанных: 1) с применением мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (глава 27); 2) освобождением от административной ответственности по особым основаниям, предусмотренным для конкретных составов административных правонарушений (примечания к ст. 6.8, 6.9, 6.16.1, 12.21.3, 14.1, 14.32, 16.2 и др.); 3) исполнением постановления о назначении административного наказания (ч. 3 ст. 31.5).

² О судах общей юрисдикции в Российской Федерации : федер. конституц. закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (ч. 3 ст. 5).

³ КоАП РФ (ст. 1.4).

криминационного правового регулирования, т. е. такого регулирования, которое нормативно устанавливает различное правовое положение лиц, относящихся к одной категории субъектов права, разъединяя их по критерию, носящему произвольный необъективный характер, или по признаку, наличие которого не придает регулируемым отношениям такую специфику, которая предполагает выстраивание иной правовой модели, поскольку сохранение общего регулирования означало бы фактическое ущемление прав лиц, отвечающих соответствующему критерию или обладающих соответствующим признаком.

При таком подходе разграничение равенства перед законом и перед судом отчетливо прослеживается в части способов защиты нарушения того или иного правового начала. Так, восстановление равенства перед судом обеспечивает право обжалования правоприменительного акта, в то время как равенство перед законом гарантируется правом оспорить само правовое регулирование. Но в то же время современный уровень развития правовой мысли ясно видит неразрывную связь между равенством перед законом и перед судом. Очевидно, что ценность «ровного» закона безмерно снижается «кривым» правоприменением. К такому же результату приводит и обратная ситуация: справедливое разбирательство может быть чрезвычайно осложнено необходимостью применения дефектного правового регулирования.

Тем не менее равенство перед законом обеспечивается правосудием, при отправлении которого суд свободен в выборе нормы, подлежащей применению, в том смысле, что обязан отказаться от применения того нормативного правового акта, который не соответствует нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу (не дезавуировав его при этом из правового пространства), либо же должен приостановить производство по делу и обратиться в Конституционный Суд РФ, если придет к выводу о несоответствии примененного или подлежащего применению акта Конституции РФ. Это является общим основным положением административного, арбитражного, гражданского и уголовного судопроизводства (ст. 15 КАС РФ, ст. 13 АПК РФ, ст. 11, 215 ГПК РФ, ст. 7, п. 3 ч. 1 ст. 238 УПК РФ).

В числе прочего равенство всех перед законом и судом предполагает процессуальное равенство состоящих сторон, которое, в свою очередь, выступает самостоятельным судопроизводственным началом, конституционно закрепленным способом, обеспечивающим правильное разрешение судебного дела. В противном случае неравенство процессуальных возможностей сторон не позволяло бы рассчитывать на воплощение правового равенства, закрепление которого носило бы в немалой степени декларативный характер, а его фактическое отсутствие являлось бы труднопреодолимым препятствием для справедливого судебного разбирательства.

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях в отличие от иного процессуального законодательства установлен принцип равенства перед законом (ст. 1.4 «Принцип равенства пе-

ред законом»). Такое юридико-техническое решение, по всей видимости, обусловлено тем обстоятельством, что разрешать правовой спор в рамках производства по делам об административных правонарушениях уполномочены наряду с судьями органы и должностные лица. Очевидно, во избежание пустой полемики и необоснованной критики законодатель не упомянул о равенстве перед судом. Между тем принцип равенства перед законом и судом как одно начало по смыслу его нормативной интерпретации предполагает одинаковое применение закона ко всем лицам независимо от того осуществляется ли оно судом или иным органом, должностным лицом. Универсальное значение данного принципа – одинаковое применение правовой нормы к различным лицам, находящимся в идентичной правовой ситуации, – не может быть искажено какой-либо спецификой отношений, регулируемых законодательством об административных правонарушениях.

Это подтверждают положения ч. 1 ст. 1.4 КоАП РФ, предусматривающие, что лица, совершившие административные правонарушения, равны перед законом; физические лица подлежат административной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; юридические лица подлежат административной ответственности независимо от места нахождения, организационно-правовых форм, подчиненности, а также других обстоятельств.

Вместе с тем ч. 2 данной статьи допускает возможность установления Конституцией РФ и федеральными законами особых условий применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции (депутатов, судей, прокуроров, сотрудников Следственного комитета Российской Федерации и иных лиц).

Конституционные нормы предполагают установление таких особых условий для должностных лиц, обладающих неприкосновенностью. К их числу относятся: Президент РФ (ст. 91), члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы (ст. 98), судьи (ст. 122).

Нередко сталкиваясь с институтом неприкосновенности, Конституционный Суд РФ сформулировал ряд тезисов, образующих его правовую позицию по вопросу правовой природы и предназначения данного института применительно к правовому статусу парламентариев и судей. Так, Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что судейская неприкосновенность является определенным исключением из принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19, ч. 1, Конституции РФ) и по своему содержанию выходит за пределы личной неприкосновенности (ст. 22 Конституции РФ); это обусловлено тем, что общество и государство, предъявляя к судье и его профессиональной деятельности высокие требования, вправе и обязаны обеспечить ему дополнительные гарантии

надлежащего осуществления функции отправления правосудия; неприкосновенность судьи – не его личная привилегия, а особый процедурный механизм привлечения его к ответственности; этот механизм не предполагает ограждение судьи от ответственности в случае совершения им преступления; иное приводило бы к искажению конституционного смысла судейского иммунитета, а также к нарушению прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 1996 г. № 6-П, от 19 февраля 2002 г. № 5-П, от 28 февраля 2008 г. № 3-П; определения от 16 декабря 2004 г. № 394-О, от 7 февраля 2008 г. № 157-О-О, от 17 января 2012 г. № 175-О-О и др.).

Конституционный Суд РФ также неоднократно отмечал, что неприкосновенность парламентария не означает его освобождение от ответственности за совершенное правонарушение, в том числе уголовное или административное, если такое правонарушение совершено не в связи с осуществлением собственно депутатской деятельности; расширительное понимание неприкосновенности в таких случаях вело бы к искажению публично-правового характера парламентского иммунитета и его превращению в личную привилегию, что означало бы, с одной стороны, неправомерное изъятие из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19, ч. 1), а с другой – нарушение конституционных прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью (ст. 52); поэтому с соблюдением ограничений, предусмотренных ст. 98 Конституции РФ, в отношении парламентария допустимо осуществление судопроизводства на стадии дознания и предварительного следствия или производства по административным правонарушениям вплоть до принятия решения о передаче дела в суд в соответствии с положениями УК РФ, УПК РФ и КоАП РФ без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания (постановление от 20 февраля 1996 г. № 5-П, определение от 5 февраля 2009 г. № 249-О-О).

Приведенные правовые позиции близки, однако они недостаточны для того, чтобы сделать общий вывод о содержании конституционно предусмотренного исключения из принципа равенства всех перед законом и судом – неприкосновенности должностных лиц. В указанные рамки явно не вписывается и резко контрастирует неприкосновенность Президента РФ. Действующее федеральное законодательство не определяет особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности Президента РФ, в том числе прекратившему исполнение своих полномочий. Причем очевидно, что это является не пробелом правового регулирования, а воспринимается как реализация конституционных гарантий обеспечения деятельности данного должностного лица. Более того, Федеральный закон от 12 февраля 2001 г. № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» предусматривает, что Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий, обладает неприкосно-

венностью; он не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности за деяния, совершенные им в период исполнения полномочий Президента РФ, а также задержан, арестован, подвергнут обыску, допросу либо личному досмотру, если указанные действия осуществляются в ходе производства по делам, связанным с исполнением им полномочий Президента РФ (п. 1 ст. 3). Пункт 2 указанной статьи допускает возможность лишения неприкосновенности Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, только в случае возбуждения уголовного дела по факту совершения им тяжкого преступления.

Таким образом, ст. 91 Конституции РФ, наделяющая Президента РФ неприкосновенностью, исключает всякую возможность привлечения к административной ответственности данного должностного лица, в том числе после прекращения исполнения им своих полномочий в связи с истечением срока пребывания в должности либо досрочно в случае отставки или стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия (ст. 1 и 3 указанного федерального закона).

На особый конституционно-правовой статус Главы государства указал Конституционный Суд РФ, выразив следующую правовую позицию. Исходя из занимаемого Президентом РФ места в системе органов государственной власти, а также его конституционного статуса, Конституция РФ закрепляет неприкосновенность Президента РФ, а также другие правовые средства, которые обеспечивают свободное и ответственное осуществление Президентом РФ принадлежащих ему конституционных полномочий и непрерывность функционирования института Главы государства (постановление от 11 июля 2000 г. № 12-П).

Такое правовое регулирование не позволяет вести речь о неприкосновенности как едином институте и формулировать общие правила и требования к механизму его реализации вообще и применительно к законодательству об административных правонарушениях в частности.

Отсылочный характер ч. 2 ст. 1.4 КоАП РФ предполагает уделение внимания тем нормам федерального законодательства, которые устанавливают особые условия осуществления производства по делам об административных правонарушениях в отношении конкретных должностных лиц.

Итак, особенности привлечения к административной ответственности члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы, обусловленные наличием у них неприкосновенности, определены ст. 19 и 20 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». В соответствии с данными законоположениями, рассматриваемыми во взаимосвязи с отраслевым процессуальным законодательством, гарантии неприкосновенности парламентария заключаются в необходимости получения согласия соответствующей палаты Федерального Собрания Российской Федерации: 1) на возбуждение в отношении данного лица уголовного дела или привлечения его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении

других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления (п. 1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ) или на начало производства по делу об административном правонарушении, предусматривающем административную ответственность, налагаемую в судебном порядке (ч. 4 ст. 19 указанного федерального закона); 2) исполнение судебного решения об избрании в отношении данного лица в качестве меры пресечения заключения под стражу или о производстве обыска (ч. 3 ст. 450 УПК РФ); 3) на передачу дела в суд после окончания дознания, предварительного следствия или производства по делу об административном правонарушении, предусматривающем административную ответственность, налагаемую в судебном порядке (ч. 5 ст. 19 названного федерального закона). Получение согласия на совершение указанных процессуальных действий является лишением парламентария неприкосновенности. Причем по смыслу приведенных законоположений согласие не полностью лишает указанное лицо неприкосновенности, а только в соответствующей части. Полагаем необходимым подчеркнуть, что лишение неприкосновенности парламентария и дача согласия на совершение в отношении его перечисленных процессуальных действий является одним актом.

Следует обратить внимание на то, что лишение неприкосновенности парламентария требуется только по тем делам об административных правонарушениях, которые предусматривают привлечение к административной ответственности в судебном порядке. Значит, дела подведомственные органам и должностным лицам, возбуждаются и рассматриваются в отношении парламентария в обычном порядке. Однако при этом в отношении указанного должностного лица не могут применяться те обеспечительные меры, которые по своему характеру предполагают необходимость получения на это согласия соответствующей палаты Федерального Собрания Российской Федерации. Применение таких мер без указанного согласия приведет к дезавуированию собранных таким образом доказательств, как полученных с нарушением закона (они должны будут быть признаны недопустимыми в силу ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ).

Что же касается той категории дел об административных правонарушениях, которые рассматриваются судьями в случаях, если они им переданы органом или должностным лицом, то должностные лица, возбуждающие такие дела в отношении парламентария, должны предварительно определиться с тем, намерены ли они впоследствии передать дело на рассмотрение судьи. Если да, то возбуждение дела и передача его на рассмотрение предполагают необходимость лишения парламентария неприкосновенности. В противном случае оснований для привлечения к административной ответственности данного должностного лица у судьи не будет, поскольку возбуждение дела следует признать незаконным, а все собранные доказательства – недопустимыми.

Действующий порядок привлечения к публичной ответственности парламентария не всем исследователям представляется необходимым. Более 15 лет назад А. В. Малько и С. Ю. Суменков предложили «отме-

нить существующее ныне положение, когда палата депутатов обладает правом разрешить или отказать в направлении дела в отношении депутата в суд»⁴. Причиной для такой инициативы послужил довод о том, что «фактически Государственная Дума присвоила себе прерогативу суда – определять виновность или невиновность. Ведь если палата принимает решение об отказе в направлении дела для судебного слушания, дело прекращается; депутат, в отношении которого было возбуждено уголовное дело и проведено расследование, объявляется палатой невиновным. Здесь совершенно недопустимо то, что законодательная власть подменяет собой судебную»⁵. По мнению ученых, «правильным был бы такой порядок, при котором дела, возбужденные в отношении депутатов, направлялись бы в суд вне зависимости от воли палаты. Только суд вправе определить, виновен депутат в инкриминируемом ему деянии или нет. А вот вопрос о применении наказания должна решать палата депутатов»⁶. Наряду с указанной инициативой авторы предложили также «упростить и порядок возбуждения уголовных дел в отношении депутатов. Уголовное дело должно возбуждаться вне зависимости от воли палаты и связи общественно опасного деяния с депутатской деятельностью. Можно согласиться с положением, что дела, возбужденные в отношении депутатов, должны быть на особом контроле Генерального прокурора Российской Федерации»⁷. Учитывая, что степень общественной опасности административных правонарушений ниже преступлений, и меры уголовного принуждения строже административно-деликтных мер, можно утверждать, что по своей сути данное предложение подразумевало также снижение уровня правовых гарантий неприкосновенности парламентария при привлечении его и к административной ответственности. Будучи убежденными в необходимости либерализации процедуры публичного преследования парламентариев, авторы согласились с ранее выраженным предложением о необходимости ограничения неприкосновенности в той части, что «некоторые следственные действия должны производиться без какого-либо согласия»⁸.

Снижение парламентской неприкосновенности – международная правовая тенденция. Вот что по этому поводу пишет В. З. Гуцин: «...депутатский иммунитет членов парламента существует в большинстве стран. Он возник и был необходим во времена противостояния парламентам и монархам для ограждения представителей народа от своеволия монархов и их служб. В настоящее время в условиях становления демократии во многих странах тенденции развития конституционного права характеризуются ослаблением депутатской неприкосновенности. Например, в США конгрессмены за совершенные преступления подвергаются аресту

---

⁴ Малько А. В., Суменков С. Ю. Правовой иммунитет : теоретические и практические аспекты // Журнал рос. права. 2002. № 2. С. 16–24.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

на общих основаниях. Во Франции в соответствии с поправкой к Конституции, внесенной в 1995 году, депутатский иммунитет действует только на период сессии и не распространяется на уголовно наказуемые деяния. В конституционном праве КНР, в отличие от российского, предусмотрен институт отзыва депутата, нарушившего закон или дисциплину или грубо пренебрегающего своими обязанностями, то есть как за преступления, так и за административные правонарушения»⁹.

Представляется, что Россия, развиваясь в русле передовых стран мира, сделает также соответствующие шаги. По крайней мере, не усматриваем препятствий для реализации предложений, указанных в приведенной цитате.

В свою очередь, порядок административно-деликтного преследования судьи как особого субъекта административной ответственности, наделенного Конституцией РФ неприкосновенностью (ст. 122), сложился давно, хотя непосредственно не закреплен законодательством об административных правонарушениях. В соответствии с п. 4 ст. 16 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» решение по вопросу о привлечении судьи к административной ответственности принимается: в отношении судьи Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, военного суда, арбитражного суда – судебной коллегией в составе трех судей Верховного Суда РФ по представлению Генерального прокурора РФ; в отношении судьи иного суда – судебной коллегией в составе трех судей соответственно верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа по представлению Генерального прокурора РФ; решение по вопросу о привлечении судьи к административной ответственности принимается в 10-дневный срок после поступления представления Генерального прокурора РФ. Действия и решения органов прокуратуры, связанные с привлечением к административной ответственности судьи, а также иных лиц с особым правовым статусом, конкретизированы в ведомственном правовом акте – приказе Генеральной прокуратуры РФ от 23 ноября 2015 г. № 645 «О порядке реализации прокурорами полномочий в сфере привлечения к административной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом».

Приведенное законоположение, равно как и коррелирующие с ним положения иных федеральных законов, а также указанный ведомственный акт представляют собой единый механизм (институт) привлечения к административной ответственности судей, нормы которого разобщены по правовым актам различной юридической силы. Как показывает практика, это обстоятельство не исключает возможность функциониро-

⁹ Гуцин В. З. Особенности привлечения к административной ответственности членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы и особенности президентского иммунитета от привлечения к административной ответственности // Современное право. 2013. № 8. С. 22.

вания такого механизма. Однако очевидно, что отсутствие единой законодательной процедуры, регламентирующей порядок взаимодействия должностных лиц, органов прокуратуры и суда при обнаружении (попущении, фиксации, подтверждении) данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, совершенного судьей, снижает эффективность рассматриваемого механизма. Непрозрачность и неясность для рядового правоприменителя указанной процедуры является дополнительным фактором, побуждающим должностное лицо игнорировать требования закона и действовать иной раз вопреки им, руководствуясь по обыкновению максимой «лучше не связываться с лицом, обладающим особым правовым статусом».

Гарантии неприкосновенности судей распространяются на арбитражного и присяжного заседателя в период осуществления ими правосудия (п. 1 ст. 1 Федерального закона от 30 мая 2001 г. № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» и ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»). Парадоксально, но уровень гарантий судей, распространяемый на арбитражного и присяжного заседателя, не одинаков. Как следует из указанных законоположений, на арбитражного заседателя в отличие от присяжного заседателя не распространяются гарантии, предусмотренные п. 8 ст. 16 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». В то же время гарантии неприкосновенности судей и членов их семей распространяются на арбитражного заседателя и членов его семьи, при том что федеральный закон не указывает на наличие аналогичных гарантий у членов семьи присяжного заседателя.

Унификация особенностей осуществления производства по делам об административных правонарушениях в отношении должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции, предполагает необходимость устранения таких различий, необоснованных спецификой реализуемых ими функций.

Отдельную небольшую историю образуют устремления депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ по получению (наделению себя) неприкосновенностью в объеме правовых гарантий, сопоставимых в этой части со статусом федерального парламентария¹⁰. Эта история может быть предметом отдельно-

---

¹⁰ См., к примеру: По делу о проверке конституционности статей 23 и 24 Временного положения об обеспечении деятельности депутатов Калининградской областной Думы, утвержденного постановлением Калининградской областной Думы от 8 июля 1994 года : постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 1995 г. № 16-П ; По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. П. Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края : постановление Конституционного Суда РФ от

го изучения, который не входит в пределы данного исследования, фокусирующегося на действующем законодательстве.

Итак, на федеральном уровне гарантии неприкосновенности депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ определены ст. 13 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». В соответствии с данной статьей в случае привлечения депутата к уголовной или административной ответственности, его задержания, ареста, обыска, допроса, совершения иных уголовно-процессуальных или административно-процессуальных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении депутата, его багажа, личных и служебных транспортных средств, переписки, используемых им средств связи и принадлежащих ему документов, а также при проведении оперативно-розыскных мероприятий в занимаемых им жилом и служебном помещениях применяется особый порядок производства по уголовным или административным делам, установленный федеральными законами (п. 2). Как видим, указанное законоположение, по сути, отсылает к КоАП РФ, который, напомним, сам исходит из того, что особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции, устанавливаются федеральными законами (ч. 2 ст. 1.4).

Действующее в рассматриваемой сфере правовое регулирование наиболее конкретно описано в судебных решениях: ни вышеупомянутый закон, ни КоАП РФ, ни какой-либо иной нормативный правовой акт не содержат норм, устанавливающих особый порядок привлечения к административной ответственности депутатов законодательных (представительных) органов субъектов РФ¹¹.

Увидев указанное рассогласование законодательства, В. Н. Хорьков расценил приведенную норму Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» как мертворожденную и неприменимую на практике¹².

Критической оценки, по сути, заслуживает и п. 3 указанной статьи, согласно которому депутат не может быть привлечен к уголовной или ад-

12 апреля 2002 г. № 9-П ; Паспорт отклоненного Государственной Думой Российской Федерации проекта федерального закона № 398465-3 «О внесении дополнения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» : внесен в ГД ФС РФ 1 декабря 2003 г. Народным Хуралом Республики Бурятия. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Решение Московского городского суда от 28 февраля 2014 г. по делу № 7-1105/14 ; Решение Приморского краевого суда от 24 сентября 2014 г. по делу № 21-863/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² См.: Хорьков В. Н. К вопросу о круге лиц, обладающих иммунитетом от административного задержания // Современное право. 2014. № 3. С. 47.

министративной ответственности за высказанное мнение, позицию, выраженную при голосовании, и другие действия, соответствующие статусу депутата, в том числе по истечении срока его полномочий; данное положение не распространяется на случаи, когда депутатом были допущены публичные оскорбления, клевета или иные нарушения, ответственность за которые предусмотрена федеральным законом. Гарантирующая ценность приведенного законоположения, по меньшей мере, сомнительна. Полагаем, что его устранение из правового поля не приведет к умалению статуса депутата.

Аналогичные рассмотренным положениям нормы содержит ст. 40 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», определяющая статус депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления. В соответствии с ч. 8 данной статьи гарантии прав указанных должностных лиц при привлечении их к административной ответственности, совершении в отношении их административно-процессуальных действий устанавливаются федеральными законами. Часть 9 указанной статьи запрещает привлечение названных должностных лиц к административной ответственности за высказанное мнение, позицию, выраженную при голосовании, и другие действия, соответствующие их статусу, в том числе по истечении срока их полномочий, за исключением случаев, когда данными лицами допущены публичные оскорбления, клевета или иные нарушения, ответственность за которые предусмотрена федеральным законом.

Такое регулирование также позволяет судам прийти к тривиальному выводу о том, что в отношении, в частности, депутатов представительного органа местного самоуправления особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности в федеральном законодательстве отсутствуют¹³.

Отметим, что практика федерального законодательства знакома с предложениями установления конкретных изъятий из общего порядка привлечения к административной ответственности для депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления. В частности, Парламент Республики Северная Осетия – Алания вносил законопроект, предусматривающий запрет на привлечение указанной категории лиц к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, без согласия прокурора субъекта РФ¹⁴. Однако Государственная Дума его отклонила в первом

---

¹³ Постановление Московского городского суда от 6 декабря 2013 г. № 4а-2559/13 ; постановление Верховного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 13-АД13-10 ; постановление Верховного суда Республики Татарстан от 19 февраля 2015 г. по делу № п4а-1299м.

¹⁴ О внесении изменения в статью 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : проект федер. закона № 448492-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чтении по рекомендации Комитета по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления¹⁵.

На этом фоне отнюдь не выглядит парадоксальным положение п. 4 ст. 41 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», в силу которого зарегистрированный кандидат не может быть подвергнут административному наказанию, налагаемому в судебном порядке, без согласия прокурора (соответственно уровню выборов). Данная мера как препятствующая незаконному использованию мер административно-деликтного механизма в целях влияния на ход избирательной кампании, которая ограничена по времени ее проведения, представляется разумной и действенной гарантией. По сути, этими же целями обусловлено положение ч. 9 ст. 12 «Статус члена избирательной комиссии» Федерального закона от 26 ноября 1996 г. № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления», согласно которому члены избирательной комиссии с правом решающего голоса в период проведения выборов не могут быть привлечены без согласия прокурора к уголовной ответственности или подвергнуты административному взысканию, налагаемому в судебном порядке¹⁶.

Вместе с тем федеральное законодательство предусматривает ряд должностных лиц, которые в отличие от региональных и муниципальных парламентариев действительно обладают неприкосновенностью и в отношении которых установлен особый режим применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и (или) порядок привлечения к административной ответственности.

В частности, согласно п. 1 ст. 12 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» Уполномоченный обладает неприкосновенностью в течение всего срока его полномочий; он не может быть без согласия Государственной Думы привлечен к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, задержан, арестован, подвергнут обыску, за исключением случаев задержания на месте преступления, а также подвергнут личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других лиц; неприкосновенность Уполномо-

¹⁵ Заключение Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления от 24 апреля 2014 г. № 78/1 «На проект федерального закона № 448492-6 «О внесении изменения в статью 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ Фактически аналогичная норма содержится в п. 18 ст. 29 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», согласно которому член комиссии с правом решающего голоса не может быть подвергнут административному наказанию, налагаемому в судебном порядке, без согласия прокурора субъекта РФ.

ченного распространяется на его жилое и служебное помещения, багаж, личное и служебное транспортные средства, переписку, используемые им средства связи, а также на принадлежащие ему документы.

В случае задержания Уполномоченного на месте преступления должностное лицо, произведшее задержание, немедленно уведомляет об этом Государственную Думу, которая должна принять решение о даче согласия на дальнейшее применение этой процессуальной меры; при неполучении в течение 24 часов согласия Государственной Думы на задержание Уполномоченный должен быть немедленно освобожден (п. 2 указанной статьи).

В соответствии с п. 1 ст. 42 «Порядок привлечения прокуроров к уголовной и административной ответственности» Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором, является исключительной компетенцией органов прокуратуры. Не допускаются задержание, привод, личный досмотр прокурора, досмотр его вещей и используемого им транспорта, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других лиц и задержания при совершении преступления (п. 2 указанной статьи).

Часть 4 ст. 17 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» гласит, что при исполнении сотрудником органов федеральной службы безопасности служебных обязанностей не допускаются его привод, задержание, личный досмотр и досмотр его вещей, а также досмотр личного и используемого им транспорта без официального представителя органов федеральной службы безопасности или решения суда.

В силу п. 1 ст. 20 «Гарантии правовой и социальной защиты сотрудников органов государственной охраны» Федерального закона от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» при исполнении сотрудником органов государственной охраны служебных обязанностей не допускаются применение к нему административных наказаний, его привод и административное задержание, а также личный досмотр, досмотр находящихся при нем вещей, досмотр используемых им транспортных средств без представителя соответствующего органа государственной охраны или без решения суда.

Согласно ч. 1 ст. 39 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» Председатель Счетной палаты, заместитель Председателя Счетной палаты, аудиторы Счетной палаты не могут быть задержаны, арестованы, привлечены к уголовной ответственности без согласия той палаты Федерального Собрания, которая их назначила на должность в Счетную палату.

Не допускаются задержание, привод, личный досмотр руководителя следственного органа Следственного комитета и следователя, досмотр их вещей и используемых ими транспортных средств, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других лиц, а также случаев задержания при соверше-

нии преступления (ч. 3 ст. 29 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»).

Приведенные формулировки норм, закрепляющие особенности производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого в отношении перечисленных должностных лиц, терминологически некорректны в том смысле, что могут породить на практике неопределенность. В частности, не ясно, могут ли быть к должностным лицам Счетной палаты применены доставление, административное задержание и привод без согласия соответствующей палаты, поскольку в ч. 1 ст. 39 Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации» речь идет о недопустимости их привлечения без указанного согласия только к уголовной ответственности. Во всяком случае если задержание может быть растолковано расширительно (т. е. не будет восприниматься как уголовно-процессуальная мера), то как быть с доставлением и приводом, которые также являются мерами, ограничивающими свободу передвижения?

Анализ норм, определяющих особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции, также показывает, что объем неприкосновенности указанных лиц не одинаков. При этом не представляется возможным выявить логику законодателя, установить «единый глубокий замысел» регулирования и понять причины дифференциации. Очевидно, что особенности административно-деликтного статуса должностных лиц различных ведомств имеют потенциал для унификации. Логично предположить, что механизм привлечения к административной ответственности должен иметь ясные очертания для всех участников этих отношений, причем независимо от того, кто выступает субъектом такой ответственности. Как верно отметил в своей статье В. Н. Хорьков применительно к одной из административно-деликтных обеспечительных мер, должностные лица, уполномоченные осуществлять административное задержание, должны знать категории лиц, к которым не применяется административное задержание, не обращаясь при этом к десятку федеральных законов¹⁷. Поэтому указанная унификация, предполагающая необходимость осуществления предварительной полной ревизии федерального законодательства, может и должна быть произведена на базе специально предназначенного для этого федерального закона – КоАП РФ (ст. 1.1 и п. 4 ч. 1 ст. 1.3).

Справедливости ради отметим, что Государственное Собрание – Курултай – Республики Башкортостан инициировало внесение дополнений в КоАП РФ главы 30.1 «Особенности производства по делам об административных правонарушениях в отношении отдельных категорий лиц»¹⁸.

¹⁷ См.: Хорьков В. Н. К вопросу о круге лиц, обладающих иммунитетом от административного задержания. С. 49.

¹⁸ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : проект федер. закона № 241131-4. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_4.nsf/ByID/549BE331B38B065C432571BB00589F58?OpenDocument

Положения данной главы структурно и содержательно воспроизводили нормы главы 52 «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц» УПК РФ, но при этом не были «тесно увязаны с другими положениями самого кодекса и нормами федеральных законов, устанавливающих особый порядок привлечения к административной ответственности и производства по этим делам в отношении отдельных категорий лиц»¹⁹. Кроме того, проект не решал «многих вопросов, связанных с особенностями производства дел об административных правонарушениях в отношении вышеназванных лиц»²⁰. Поэтому ответственный комитет и Правовое Управление рекомендовали Государственной Думе его отклонить.

Полагаем, что разброс по разным федеральным законам административно-деликтных норм, устанавливающих различный объем неприкосновенности должностных лиц, можно объяснить лишь отсутствием концептуального подхода к решению вопроса о том, кто и почему должен обладать особым статусом субъекта административной ответственности.

Поскольку действующее законодательство предусматривает особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности в отношении нескольких категорий должностных лиц, то необходимо определить критерий, позволяющий устанавливать такие изъятия для этих лиц из принципа равенства. Полагаем, что отсутствие такового (критерия) может служить основой только произвольного решения федерального законодателя. Более того, в отсутствие ясного обоснования и четких пределов объема неприкосновенности, устанавливаемой для отдельных категорий должностных лиц, особые правила обеспечительных мер и изъятия из общего порядка привлечения к административной ответственности могут восприниматься как личная привилегия таких лиц, обусловленная влиянием различных государственных структур на управление обществом. Между тем федеральный законодатель, упорядочивая всякие отношения, должен придерживаться общих принципов права и не допускать такого регулирования, которое может обоснованно представляться волюнтаристским, предвзятым и произвольным, что само по себе нарушает основы права.

Если подходить более определенно, то такой критерий может жидеться только на принципе недопустимости оказания поддержки меньшей

---

¹⁹ Заключение Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству на проект федерального закона № 241131-4 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=241131-4&02>

²⁰ Заключение Правового Управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 6 февраля 2006 г. № 2.2-1/317 по проекту федерального закона № 241131-4 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: http://asozd2.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_4.nsf/ByID/2E3B4D4B3B9BDA38432571BB00589F72?OpenDocument

правовой ценности в ущерб той, которая в конкретных условиях может быть расценена как большая правовая ценность. Данный подход в качестве своего следствия подразумевает недопустимость применения мер административно-деликтного принуждения по отношению к тем лицам, которые обеспечивают охрану и (или) защиту таких правовых интересов, поступившись которыми обществу будет причинен несоизмеримо больший вред в сравнении с тем, который получен от совершения противоправного деяния такими лицами. В этом контексте особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности представляют собой баланс между принципом равенства как универсальной правовой ценностью и, к примеру, правом на справедливое судебное разбирательство, которое обеспечивается неприкосновенностью судей. Это означает, что основная задача в указанной части заключается в определении предела и объема неприкосновенности конкретной категории должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции.

Другим следствием проясненного начала дифференцированного подхода при установлении правил привлечения к административной ответственности является признание того, что к числу лиц, в отношении которых предполагается необходимость установления изъятий из общего административно-деликтного производства, относятся не только должностные лица, выполняющие определенные государственные функции, но и граждане. Разъясняя данную мысль знакомой терминологией, поясним, что физическое лицо, действующее в состоянии крайней необходимости, на наш взгляд, вправе рассчитывать на освобождение от всякого административно-деликтного преследования, включая недопустимость применения в отношении его мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении в период пребывания его в подобном состоянии. Утрируя идею, в качестве примера приведем патетическую ситуацию оказания первой помощи пострадавшему. Очевидно, что оказывающее такую помощь лицо не может быть в этот момент подвергнуто ограничениям, связанным с производством по делам об административных правонарушениях.

Указанный критерий позволяет не только увидеть прочную основу для регулирования рассматриваемых отношений, но и оценивать действующее регулирование, в том числе с точки зрения его определенности для всех участников отношений. В свою очередь, низкая степень определенности регулирования создает условия для того, чтобы изъятия из принципа равенства служили не столько дополнительной гарантией надлежащего выполнения должностным лицом, возложенных на него государственных функций, сколько способом ухода его от административной ответственности.

Следует отметить, что наличие неприкосновенности у целого ряда должностных лиц в какой-то мере является признанием того, что правоохранительный механизм принципиально дефектен, поскольку допускает систематические «сбои» в своей работе в виде отклонения правоохра-

нитель от духа закона и функционирование вопреки его требованиям, руководствуясь иными «не правовыми» соображениями и действуя не в интересах общества. При этом видим, что особый порядок применения административно-деликтных мер и привлечения к административной ответственности предусмотрен для тех должностных лиц, которые способны оказывать воздействие на формирование правоприменительной практики. Наличие же у них неприкосновенности «отрывает» их от действительности, не позволяя столкнуться с реалиями правоприменения, что во многом могло бы способствовать усиленному вкладу со стороны данных должностных лиц в его улучшение, а значит, усилению общего режима законности и торжеству правопорядка.

В связи с этим нельзя не заметить реальные попытки повышения определенности правового регулирования рассматриваемых отношений и тенденцию по сокращению привилегий в положении указанного контингента субъектов права, обусловленных в числе прочего неопределенностью законодательного регулирования. Так, на рассмотрении Государственной Думы находится законопроект²¹, в котором предлагается дополнить ч. 2 ст. 1.4 КоАП РФ предложением о том, что в отношении должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции, меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, включая отстранение от управления транспортным средством соответствующего вида, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, применяются в общем порядке, если федеральными законами не установлен особый порядок.

Такое уточнение необходимо, поскольку, как утверждают разработчики, «как органы прокуратуры, так и суды трактуют требования сотрудников полиции в отношении указанных должностных лиц о прохождении соответствующих процедур как нарушение принципа неприкосновенности и превышение полномочий»²². Весьма убедительным представляется также акцент на то, что «нарушения должностными лицами, выполняющими определенные государственные функции, Правил дорожного движения, и тем более в состоянии опьянения, явно не связаны с выполнением ими своих должностных обязанностей и вступают в противоречие с интересами общества и государства, а главное – ставят под угрозу безопасность других граждан – участников дорожного движения»²³.

---

²¹ О внесении изменений в часть 2 статьи 1.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в целях укрепления в административном законодательстве конституционного принципа равенства перед законом и судом : проект федер. закона № 1071910-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в часть 2 статьи 1.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в целях укрепления в административном законодательстве конституционного принципа равенства перед законом и судом». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²³ Там же.

Наряду с этим инициаторы законопроекта обращают внимание на то, что «поскольку автоматическая фиксация административных правонарушений в области дорожного движения осуществляется без остановки транспортных средств сотрудниками полиции, избыточной и невыполнимой является и усложненная процедура рассмотрения соответствующих дел в отношении должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции, которые являются собственниками транспортных средств, на которых совершены нарушения»²⁴.

В связи с этим они предлагают также привлекать должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции, к административной ответственности на общих основаниях за административные правонарушения в области дорожного движения и административные правонарушения в области благоустройства территории, предусмотренные законами субъектов РФ, совершенные с использованием транспортных средств, в случае фиксации этих административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами. Объясняя необходимость такого нововведения, составители пояснительной записки к указанному законопроекту указывают следующее. «Вынося постановление, полиция не знает о том, является ли собственник транспортного средства указанным должностным лицом. А соответствующий статус дает этому лицу возможность обжаловать вынесенное постановление только лишь на том основании, что оно вынесено в отношении его не в «усложненном», а в обычном порядке. Таким образом, в настоящее время ряд должностных лиц избегают привлечения к административной ответственности за правонарушения, которые зафиксированы беспристрастно работающими системами видеofиксации, хотя это явно не нарушало их неприкосновенности»²⁵.

Данная логика позволяет одновременно ставить вопрос о распространении на указанных должностных лиц действия аналогичных особых правил административной ответственности собственников (владельцев) земельных участков либо других объектов недвижимости (ст. 2.6.2 КоАП РФ).

Изложенные рассуждения показывают, что принцип равенства, будучи общепризнанным правовым началом, нуждается в предметных научных исследованиях в целях его претворения в регулировании конкретных отношений и соответствующем правоприменении.

---

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.